

Татьяна Тронина

Весенняя



Часть сборника
Любовь, или Связь поколений
(сборник)



Татьяна Михайловна Тронина

Весенняя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12232800

Любовь, или Связь поколений : сборник рассказов: Издательство «Э»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-83817-2

Аннотация

«...Дворничиха приблизилась к окну и произнесла сколь можно приветливо:

– Здроста, Мишка!

На что старик ответил, как и во все прошлые года:

– Здравствуйте, Гуля Ижбердиевна! С праздником!

Гуля снова улыбнулась, ничего больше не сказала и ушла, переваливаясь с ноги на ногу. При ходьбе на праздничной ее, с люрексом, кофте звенели и переливались ордена с медалями, затмевая своим сиянием блеск фальшивой турецкой нити.

Это была величайшая, величайшая милость – старик это прекрасно понимал, – ибо никому больше дворничиха не улыбалась и ни с кем не здоровалась...»

Татьяна Трoнина

Весенняя

*И ты вступил в блаженные селенья,
Как некий дух, достойный жизни вечной.
Здесь нет надежд, желания, томленья,
Здесь твой эдем, мечты предел конечный.
Перед лицом единственно прекрасной
Иссяк источник горести напрасной.*

Гете, «Марленбадская элегия»

– ...Парад примет Президент России Борис Николаевич Ельцин. Вот что он заявил накануне: «Россияне! В этот печальный и светлый день...»

Михаил Иванович открыл глаза. Его разбудил телевизор, включенный у соседей, где-то за стеной.

Старик осторожно, с трудом, поднялся с кровати, преодолевая головокружение, добрался до окна и распахнул створки (этаж был первый). Где Гуля-то?

В доме, в другом подъезде, жила Гуля Рахматуллина, дворничиха – низенькая, широкая, похожая на пирата красными щеками свирепым своим лицом, ровесница Михаила Ивановича. Была Гуля странно молчалива, и, если со стороны посмотреть, ее даже можно было принять за немую. Но по утрам она будила весь огромный дом высоким неразборчивым криком: «Сама лентяй! Дурак глупая!» – и что-то еще в таком же роде. А дело в том, что каждое утро Гуля руга-

лась с водителем мусороуборочной машины, приехавшим во двор опростать баки и каждый раз выполнявшим свою работу очень неаккуратно, с чем Гуля никак не могла смириться – кто же так к своей работе относится? Во все остальное время дворничиха хранила презрительное молчание.

И если проходила мимо Михаила Ивановича, то лишь молча улыбалась. Никогда не останавливалась, чтобы поговорить.

Но раз в году она целенаправленно шла к распахнутому стариковскому окну (а окно у Михаила Ивановича целый день было распахнуто, точно он боялся хоть на минуту, хоть на мгновение быть отрезанным от этого мира, от воздуха, от неба) и здоровалась, поклонившись.

...А, вон и она, Гуля, легка на помине!

Дворничиха приблизилась к окну и произнесла сколько можно приветливо:

– Здроста, Мишка!

На что старик ответил, как и во все прошлые года:

– Здравствуйте, Гуля Ижбердиевна! С праздником!

Гуля снова улыбнулась, ничего больше не сказала и ушла, переваливаясь с ноги на ногу. При ходьбе на праздничной ее, с люрексом, кофте звенели и переливались ордена с медалями, затмевая своим сиянием блеск фальшивой турецкой нити.

Это была величайшая, величайшая милость – старик это прекрасно понимал, – ибо никому больше дворничиха не

улыбалась и ни с кем не здоровалась.

Раньше, в прежние года, вслед за Гулей выходил из дома и он. У Михаила Ивановича на груди звенел свой иконостас.

На Театральную площадь ехал. Праздник – цветы, музыка, речи... Но более всех поздравлений и речей старик ждал улыбки от Рахматуллиной Гули утром Девятого мая.

Он был особенным, этот старик, перечитавший за свою жизнь сотни прекрасных и умных книг, и потому больше всего ценил то, что дарилось бескорыстно, от всего сердца.

Но сегодня старик никуда не пошел. Не мог. Здоровье вот подкачало...

Остался дома и погрузился в воспоминания.

...Тоже весна была. Весна 45-го. Судьба тогда забросила старика... нет, не старика, а юношу, двадцатидвухлетнего Мишу Рубцова, милого, скромного, тихого и тихо-красивого (таких неярких, но чистых в своей простоте юношей всегда рожала русская земля) – в дальние страны.

Европу они освобождали.

...Какой-то дом. Домик. Особнячок одноэтажный – без мебели и без прочих вещей, без которых не может прожить нормальный человек, только рояль в одной из пустых комнат – бог ведь как выстоявший все бои рояль, поцарапанный весь. Миша нажал на одну из клавиш – и в воздухе зазвенела высокая нота. И правда живой!

Только что отгремел очередной уличный бой. (Его подробностей старик сейчас уже не помнил.) А после этого боя

он, молодой Миша Рубцов, бесцельно ходил по пустым комнатам чужого дома, и под тяжелыми его сапогами жалко похрустывало какое-то стекло. Оконное, должно быть, – рамы зияли пустотой. Этот хруст напоминал о чьей-то разбитой жизни.

В пустые рамы заглядывал свежий лохматый плющ, успешный сильно разрастись за весну, так любопытно и немного наивно заглядывал.

И солнце дробилось сквозь листья, и прыгали по комнате оранжевые солнечные зайчики, и ветерок в лицо дышал – томный, майский, который не греет и не холодит, а только гладит и утешает. И рояль в соседней комнате вдруг заговорил.

Это, значит, Миркин тоже на рояль наткнулся – был у них во взводе такой Давид Миркин, а попросту Додик, бывший консерваторец... то есть не бывший, потом-то он свое наверстал, просто он тысячу раз мог отмазаться от мобилизации, ведь его гением считали, талантищем (правильно, кстати, считали). Ему пришлось на обман идти, чтобы быть со всеми. Он очень хотел быть со всеми, исполнить то, что называлось долгом. А когда Додик в пути натыкался на всякие музыкальные инструменты – именно натыкался, ибо ко всему прочему и близорук еще был, – то принимался с жадностью извлекать из них музыку. Его любили, Додика этого, – и не только за его музыку, за безрассудную и глупую смелость еще, хотя солдат был он никакой, а портянки за четыре года

так и не научился вертеть, все ноги натирал.

Додик тогда в одной из комнат разрушенного дома на чудом выжившем рояле играл Бетховена. «Весеннюю» сонату.

Это была такая нежная мелодия, что казалось, будто ничего нежнее ее на свете и нет – какая-то безумная, абсолютная гармония.

Впрочем, иначе и не могло показаться огрубевшему солдатскому слуху Миши Рубцова. Пчелы над клевером, первая листва, облака... словом, перед глазами моментально рисовались картины проснувшейся природы. У Миши Рубцова, стоявшего в соседней комнате, посреди обломков мебели и разбитого стекла, тогда даже дыхание перехватило, он словно получил возможность видеть далеко-далеко, будто за окном был не разрушенный город, а поля и луга, где пчелы и облака. Где все полно счастьем и покоем – мир, мир, мир! – и самое-то главное – предчувствием любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.